

Творческое наследие
Густава Густавовича Шпета
в контексте философских проблем
формирования
историко-культурного сознания
(междисциплинарный аспект)

Г.Г. Шпет / *Comprehensio*
Четвёртые Шпетовские чтения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2003

Б.Н. Пойзнер (Томск)

Дух народа: Шпет о Пушкине

Марине Густавовне Шторх – по традиции

Если бы не необходимость писать другие вещи, я после русской философии написал бы очерк русской культуры и духа русского, проследив, как понимали у нас Пушкина и как к нему относились, и это на фоне всей нашей умственной и художественной жизни...

Густав Шпет, февраль 1920

Обычно о масштабе личности Г.Г. Шпета судят, оценивая роль его творческого наследия для ряда фундаментальных гуманитарных наук, а также раскрывая полидисциплинарный характер его методов и творческих результатов (например, [1–3]).

Автор признаёт плодотворность и правомерное господство такого подхода к персоне Шпета, выделявшейся на исключительно ярком фоне русской духовной жизни 1900–1920-х годов. Вместе с тем естественно задуматься о средствах оценки фигуры Шпета как некой целостности, взаимосвязанной с его временем, о принципах понимания Шпета сегодня и о возможном (не)понимании его в будущем. А в перспективе – о том, каким могло бы стать в XXI столетии просвещённое российское сообщество «по Шпету». Данная работа – попытка двинуться в этом направлении.

1. Логично было бы оценивать значение личности Шпета тем способом, какой практиковал сам Шпет в отношении Пушкина. К тому моменту его уже почти полвека воспринимали в России как

культурного героя. Изучение его роли осложнилось: возникла опасность принять за Пушкина его мифообраз (термин заимствован у О.Б. Кафановой [4. 7]). К Шпету последняя оговорка не относится. Он неоднократно упоминает Пушкина в «Очерке развития русской философии». Но отнюдь не в трафаретно-хвалебном стиле. Порой он возражает Пушкину, например, доказывая, что пушкинское обвинение о зависимости идей Радищева от философии Гельвеция «несправедливо» [5. 80–81].

К шпетовскому пониманию Пушкина сегодня ближе других, пожалуй, Борис Парамонов. В эссе «Пушкин – наше ничто» (1999) [6. 560–569] он констатирует: Гоголь сильно ошибся, предсказывая, что Пушкин – это русский человек через 200 лет. Шпет уже не мог так ошибиться. В 1920 г. (в письмах к Наталье Игнатовой) он размышляет о Пушкине. Высказывания Шпета во многом не совпадают с мнениями других отечественных мыслителей XX в. (см., например, [6; 7]). «Где в нём *русский дух*? – неожиданным и острым вопросом о Пушкине начинает Шпет. И отвечает столь же резко, задавая новый вопрос. – Его творчество есть именно его творчество, – гения, *не* выросшего из русского духа, а лишь *воспринимавшего* в себя этот дух, и что он сказал бы, если бы *воспринял* его до конца?».

Отвечая самому себе, Шпет выдвигает критерий: «А вот где подлинный русский дух: *как* Пушкина у нас воспринимали?» [8]. Аналогичный тезис встречаем в том разделе «Очерка...», где Шпет готовит важный вывод: «Карамзин, Жуковский, Пушкин, кн. Вяземский и всё пушкинское были единственной *возможностью* для нас положительной, не нигилистической культуры. “Литературная аристократия”, говоря термином Пушкина, была *возможность* новой интеллигенции. Но положение Пушкина было для его эпохи непонятно <...>». И затем Шпет резюмирует: «Действительная история всей нашей духовной культуры есть, однако, история, определяемая не отношениями Пушкина, а *отношением* к Пушкину» [5. 262–263].

Показательно, что философская оценка миссии Пушкина, которую даёт Борис Парамонов, близка к шпетовской, хотя ссылки на Шпета нет. Парамонов полемически заявляет: «Пушкин не столько цель русского развития, сколько его условие и предпосылка, он инициирует это развитие, даёт ему начало, противостоя русскому бытию как ничто – как сознание и свобода. Пустота Пушкина, как видим, весьма и весьма философична. Именно так: Пушкин в России не бытиен, не содержателен, а формален и относителен – не величина, а отношение. В кружеве русской жизни Пушкин – пустота, создающая строение, композицию, форму, красоту» [6. 569].

Обратим внимание, что слово «случайность» – среди ключевых, выбранных Шпетом для описания феномена Пушкина. В письме 1920 г. он восклицает: «Пушкин – великая, величайшая случайность!» Аргументацию этого заявления Шпет начинает с вопроса: «Хотите знать, какая была бы Россия, если бы Пушкин был не случайностью, то есть если бы Россия устроилась по Пушкину?» И предлагает: «Прочтите внимательно, взвешивая каждую букву и тон между буквами, его крошечные заметки об *аристократии*. Теперь, какая же в России была аристократия – кровная и “литературная”? Иван Грозный удушил, сколько мог, во имя, заметьте, *народа*; Пётр доконал, заметьте, для блага *народа*; таким образом было прикончено “норманнское”, теперь пошло немецкое, которое прикончили во имя *народа*, – кто кончал? Славянофилы, народники, либералы!» Далее Шпет подводит к горькому и непопулярному до сих пор заключению: «Разве не замечательно, что все они сходились на одном: на понимании “народа” как плебса, низов, Антонов Горемык, кумира Львовых-Рогачевских... Где же это видано? Интеллигенция отказалась от себя во имя тёмной черни, да это считала своей величайшей добродетелью!»

И ещё один горько-насмешливый вопрос философа, подводящий к аргументу о случайности Пушкина в нашем отечестве: «Чем же определяется народ и народность – умом, образованием, культурой или тьмою, невежеством? Ну, конечно, добрая и глубокая душа!». Шпет обобщает: «В России доброго человека ставят выше

образованного, и откровенность ценят больше, чем воспитанность. Поэтому добрый и откровенный невежда здесь может производить чудеса, быть правителем, главнокомандующим, пророком, магистром *elegantiarum*, – он не может быть только лицом высокого духовного сана – для этого откровенность должна быть заменена плутовством и ехидством.

Ну, так вот, всякий народ определяется его аристократией, то есть умом, культурой, воспитанностью, и только у нас – добродетелью мужичка, – как всякая армия определяется достоинством штаба, и только у нас – “выносливостью” солдата. И это – Пушкин?» [8].

Напомним, как объясняет Шпет ту общественную ситуацию, когда действовал Пушкин. Философ пишет: «Многое в культурной истории России объясняется замещением аристократии бюрократией и оппозицией к последней со стороны нигилизма. Когда Пушкин в критический момент банкротства правительственной интеллигенции заговорил о творческой аристократии, когда в нашу образованность впервые просочились идеи философии без назидательности, науки без расчёта, искусства без “пользы народной” и когда на спонтанное развитие русской народности были брошены первые лучи рефлексии, всё это сверкнуло вспышкой молнии»¹ [5. 46].

Шпет характеризует социокультурную интуицию Пушкина, анализируя пушкинскую парадигму общественной жизни, отвергнутую Николаем I: «Было приказано ответить Пушкину, что выставленный им принцип, будто *просвещение и гений есть всё*² (*que l'instruction et le genie est tout*), есть принцип ложный для всех правительств и что добрая нравственность, исполнение служебного долга, усердие (*la morale, les services, le zele*) должны быть предпочтены просвещению...» Этот многозначительный сюжет Шпет завершает комментарием, который и сегодня трудно опровергнуть: «То, чего не признал бы, может быть, и Пушкин и чего он не хотел выговорить, было безусловно чуждо Николаю Павловичу, как,

1 О шпетовской интерпретации «оппозиционной интеллигенции» рассуждает (на наш взгляд, не всегда убедительно) М.Г. Яроневский в [2. 329–334].

2 Возможно, нелишне напомнить определение, принадлежащее Петру Струве: «Гений – это творящий и творческий “демон” человека, то, что он воплощает, в чём он вовне воплощается» [10. 215].

может быть, и вообще русскому человеку: свобода просвещения, обучения, образования. Николай Павлович искал *твёрдости*, но – это есть верный признак ограниченности ума – думал, что твёрдость предполагает *единообразие*» [5. 241–242].

Было бы полезно сопоставить шпетовские выводы о Пушкине с розановскими. Укажем лишь на один тезис Василия Розанова (1899): «<...> русскому духу он [Пушкин] возвратил свободу и дал ему верховное в литературе положение <...>» [9. 22].

2. Обращаясь к размышлениям Шпета о феномене Пушкина, нельзя не привлечь статью философа «Литература». Шпет начинает её с напоминания о фундаментальной особенности слова, позволяющей полагать его центром культуры: «Это – знак всеобщий, **универсальный**. На него возможен перевод с любой другой системы знаков, но не обратно: нет такой другой системы знаков, на которую СЛОВО можно было бы перевести полностью. ...И потому-то оно и есть выражение и объективация всего культурного духа человечества: человеческих воззрений, понимания, знания, замыслов, энтузиазмов, волнений, интересов и идеалов» [11. 1133]. «В целом личность автора выступает как аналогон слова, – пишет Шпет в “Эстетических фрагментах”. – Личность есть слово и требует своего понимания» [12. 471].

Отметим, что шпетовская формула личности и его трактовка слова как универсального знака адекватно выражают репликационный аспект современной концепции эволюции. Последняя оперирует категорией репликатора – информационной целостности, способной самовоспроизводиться в определённых условиях [13; 14]. В социокультурной сфере репликаторами являются культурные образцы и юнговские архетипы. Слово и словесные конструкции относятся к числу важнейших культурных образцов. В этом плане личность есть поле их интерференции, а иногда – источник новых репликаторов [15].

Согласно Шпету, «важнейший момент перехода кочующего по диалектам слова к его оседлому консервативному бытию» называется «литературою как особый вид жизненного многообразия бытия, действительности, переживания» [11. 1136]. Причём литература есть «не частный вид общего рода “слова”, а его особая форма». Литература «как выражение духа человеческого не толь-

ко отражает его и запечатлевает, но также активно творит» [11. 1133]. Естественно, проблемой здесь становится язык. Так, на рубеже XVIII–XIX вв. «русская художественная литература героически боролась с кирилло-мефодиевским наследием в языке, и когда воссиял Пушкин, болгарский туман рассеялся навсегда» [5. 38].

Для понимания шпетовской трактовки явления Пушкина весьма существенна следующая мысль Шпета: «В действительности, дух народа определяется по его литературе, а не есть нечто, из чего можно было бы её объяснить» [11. 1135]. Отсюда следует: «Литературное сознание в этом смысле есть само историческое сознание, сознание историческим родом и народом своего собственного культурно-исторического становления и бытия» [11. 1136]. Поэтому можно говорить о «содержании культурного сознания как о мировоззрении, а оно-то и есть сознание литературное. Объективируя себя самоё и своё образование в литературе, народность тем самым создаёт в литературе средство для усвоения собственного духа в целом, в мировой истории». Здесь предполагаются «наличность и способность к развитию *sui generis* народного интеллекта, к которому непосредственно и обращается литература, образуя и культивируя его дальше». По убеждению Шпета, именно так «образованное, интеллигентное сознание переходит в общенародное культурное сознание». В итоге достигается «духовная объективация, которая и может быть названа культурой в широком и последнем смысле слова, категорией, объемлющей все модификации культурного образования, т.е. философию, право, хозяйство, религию, науку, искусство» [11. 1136]. Это шпетовское описание раскрывает репликационный аспект социокультурной эволюции (см. о нём в [15]).

Злободневен ещё один вопрос Шпета: «Не зиждется ли вся “народность” Пушкина на анекдоте о его “няне”?» Его ответ: «Конечно, и тут есть смысл не только слюняво-сентиментальный. Но что видел Пушкин в сказках “народного творчества”? Пережиток давней, давней аристократии – вот это создавшей когда-то! Может быть, это была аристократия Владимира святого, может, ещё более ранняя, но не “демос” же творил это! <...> Пушкин любовался и понимал то, что сама няня не понимала, как понимаем мы некоторые речения детей, повторяющих и не понимающих то, что не ими создано, но что какой-то стороной влезло в их душу. Пушкин так же хорошо понимал бы, – и понимал – няню и шотландскую, и

польскую, и сербскую» [8]. Не исключено, что позиция философа вызовет возражения пушкиноведов, подобно тому, как некоторые психологи сегодня упрекают Шпета в том, что он «был откровенно воинствующим антипсихологистом» (цит. по [16. 15]).

3. Итак, нами собраны некоторые идеи Шпета о Пушкине, не привлёкшие внимания литературоведов³. Идеи эти связаны, как правило, с определением категории «дух народа». Она актуальна для гуманитарных наук и до сих пор дискуссионна, особенно в России [18], поскольку концепт 'дух' – существенное звено в русской языковой модели мира [19. 569-573; 20. 21–25].

Зная историю отечественной мысли, Шпет настаивает на том, что «Пушкин такая же случайность, как и Пётр. И дух наш определяется не Петром и Пушкиным, а *отношением к ним*» [8]. Подобное «отношение» есть репликатор, то есть сложная и многоаспектная, самодостаточная и устойчивая информационная целостность, способная самовоспроизводиться, отчасти изменяясь, в определённой среде. В точке неустойчивости системы некоторый репликатор случайно становится субъектом самоорганизации, приводящей к новому порядку. Репликатор оказывается «посредником» между человеком и историей [15]. Но уместна ли здесь терминология синергетики? Думается, – вполне.

Прежде всего, этот подход не противоречит методологической установке Шпета, разъяснённой им вполне определённо: «Поскольку у нас речь идёт о культурном сознании, это есть культурная память и память культуры. В этих её культурных качествах и состоит её универсальность, духовная универсальность. Это есть память духа о себе. Ни в коем случае не следует понимать здесь термин дух в смысле гипостазированной трансцендентности; если бы этот

3 О каком-либо повышенном их интересе к трудам, личности и судьбе Шпета говорить, кажется, нет оснований. Вот пример: учебное пособие «для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов» с громким названием «Методы изучения литературы. Системный подход» (М., 2002) [17]. На с. 142 читаем: «<...> мысль Густава Густавовича Шпета (1879–1940 (?); точная дата и место смерти неизвестны). <...> Г.Г. Шпет погиб в сталинских лагерях». Авторы через пару строк ссылаются на предисловие Е.В. Пастернак к шпетовскому одномутомнику, вышедшему осенью 1989 г., когда, действительно, обстоятельства гибели философа были неизвестны. Но когда учебное пособие готовилось к печати, точные данные содержал минимум десяток вполне доступных источников. Е.В. Пастернак, заметим, пишет, что Шпет «умер в заключении», о лагере не упоминает. Должны ли мы называть **такие «методы»** изучения литературы системным подходом?

термин позволялось употреблять только в этом смысле, от него было бы лучше вовсе отказаться» [11. 1135].

Шпетовская дефиниция духа народа в сочетании с понятием репликатора дают опору на исследовательские средства как социальной антропологии, так и синергетики и других полидисциплинарных направлений конца XX в. [15]. А это позволяет выявить, в каких аспектах (не) изменяется дух народа, с какими событиями взаимосвязана его динамика etc. Уже имеется опыт историко-социологического анализа, реконструирующего восприятие массовым сознанием творчества и фигуры Пушкина в 1820–1840-х [21] и в 1930-х [22] гг.

Кроме того, синергетический подход способствует осуществлению на практике фундаментального принципа. Поль Рикёр сформулировал его так: «Прошлое имеет будущее – его новое понимание, отличающееся от существующих в настоящем представлений» (1998) [23. 13]. Понимание – ключевое слово из философского лексикона Шпета.

И последнее. Пушкин и отношение к нему российского общества были интересны Шпету отнюдь не только в академическом плане⁴. Здесь проявляется личное пристрастие. В письме Шпет откровенно признаётся: «Я чувствую, что все мои диатрибы по поводу русской утилитарности и моральности – из того же русского духа – желание “исправить”, что я сам им отравлен и что, может быть, во всяком другом месте я и не прилажусь...» [8].

Работа выполнена при поддержке РФФИ. Грант № 00-06-80195.

Литература

1. Поливанов М.К. Густав Шпет // Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 3–19.
2. Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000. С. 170–334.

4 После выступления автора с докладом ему стало известно о капитальном исследовании Т.Г. Щедриной на близкую тему [24], вводящем в оборот ценные материалы из архива философа.

3. Мясников В.С. Густав Шпет: труды и годы // Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы: В 2 ч. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 5–32.
4. Кафанова О.Б. Жорж Санд и русская литература XIX века (Мифы и реальность). Томск: ТГПУ, 1998. 411 с.
5. Шпет Г.Г. Сочинения / Предисловие Е.В. Пастернак. М.: Правда, 1989. 602 с.
6. А.С. Пушкин: Pro et contra: Антология. Т. II. СПб: РХГИ, 2000. 704 с.
7. Духовный труженик: А.С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб.: Наука, 1999. 551 с.
8. Из переписки Густава Шпета / Публикация Марины Шторх // Русская мысль (Париж). 1999. 13–19 мая (№ 4269). С. 19.
9. Розанов В.В. А.С. Пушкин // Розанов В.В. О Пушкине: Эссе и фрагменты / Сост. В.Г. Сукача. М.: Изд-во гуманитарной лит., 1999. С. 19–40.
10. Струве П.Б. Лицо и гений Грибоедова // Струве П.Б. Patriotica: Россия. Родина. Чужбина / Сост. и статья А.В. Хашковского. СПб.: РХГИ, 2000. С. 215–220.
11. Шпет Г.Г. Литература // Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы: В 2 ч. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 1133–1136.
12. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. М.: Правда, 1989. С. 345–474.
13. Эбелинг В., Энгель А., Файстель Р. Физика процессов эволюции / Пер. Ю.А. Данилова. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.
14. Дойч Д. Структура реальности. Ижевск: НИЦ «РиХД», 2001. 400 с.
15. Поппенер Б.Н. История как предмет синтезирующих наук // Творческое наследие Г.Г. Шпета и философия XX века: К 120-летию со дня рождения Густава Шпета: Материалы Междунар. науч. конф., 7–9 апр. 1999 г., г. Томск. Томск, 1999. С. 123–133.
16. Зинченко В.П. Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000. 208 с.
17. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кириозе З.И. Методы изучения литературы. Системный подход: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 200 с.
18. Лазари А. Категории народа, народности и всечеловечности в мировоззрении Фёдора Достоевского и его духовных наследников (Прогулки по Интернету) // XXI век глазами Достоевского: перспективы человечества. М.: Грааль, 2002. С. 65–75.
19. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
20. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
21. Рейтблат А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 336 с.
22. Молок Ю.А. Пушкин в 1937 году. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 272 с.
23. Интервью профессора Поля Рикёра в связи с изданием в России книги «История и истина» // Рикёр П. История и истина. СПб.: Алетейя, 2002. С. 9–16.
24. Щедрина Т.Г. Мысль Шпета в пространстве пушкинского слова // Вопросы литературы. 2003 (в печати).